

БЛИЗКИЕ НЕЗНАКОМЦЫ: КАК ПОЯВИЛАСЬ ЭТА КНИГА

Со мной, должно быть, что-то не так.

Ничем иным объяснить его поведение я не могла. Почему он то любил меня, то буквально через минуту был готов порвать на куски? Почему говорил, что я талантливая и чудесная, а потом орал, что презирает меня и считает причиной всех своих проблем? Если он любил меня так сильно, как говорил, почему я чувствовала себя настолько беспомощной и почему мне казалось, что мною манипулируют? И почему такой умный и образованный человек временами вел себя совершенно иррационально?

Умом я понимала, что ничем не заслужила такого обращения. Но с годами усвоила его видение мира: у меня огромное количество недостатков, и я во всем виновата сама. Даже когда наши отношения закончились, я продолжала жить с ощущением недоверия и низкой самооценкой. Поэтому пошла к психотерапевту.

Через несколько месяцев она рассказала о моем бывшем друге то, что радикально изменило мою жизнь и жизни многих людей: «Поведение, которое ты описываешь, свойственно людям с пограничным расстрой-

ством личности. Я не знаю твоего бывшего партнера, поэтому не могу поставить ему диагноз. Но рассказанное, без сомнения, соответствует диагностическим критериям».

Пограничное расстройство личности? Никогда о таком не слышала. Психотерапевт рекомендовала мне прочесть книгу Джерольда Крайсмана «Я ненавижу тебя, только не бросай меня» (1989). Я последовала ее совету и обнаружила в поведении моего мужчины семь из девяти черт пограничного расстройства личности (ПРЛ), перечисленных в «библии» клинических специалистов — Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам (DSM). Для постановки диагноза нужно всего пять.

Хотелось разобраться в том, как его расстройство повлияло на меня, и понять, как исцелиться. Однако я нашла всего две книги про ПРЛ для широкого круга читателей, да и они не предлагали методы помощи членам семей, а скорее лишь описывали расстройство.

Поэтому я решила написать собственную книгу по самопомощи. Так как в Северной Америке пограничное расстройство личности имеется у почти шести миллионов человек, я подумала, что найдется по крайней мере восемнадцать миллионов их родственников, партнеров и друзей (вроде меня), которые винят себя за поведение, никак от них не зависившее.

Моя подруга, узнав, что я хочу написать книгу в соавторстве со специалистом в сфере психического здоровья, посоветовала обратиться к ее коллеге Полу Мейсону. Будучи психотерапевтом, Пол на тот момент уже десять лет работал с «пограничниками» и их се-

мьями в стационарных и лабораторных отделениях. В одном уважаемом журнале опубликовали его исследование, посвященное подтипам ПРЛ. Он также провел несколько презентаций по теме для коллег и обычных слушателей.

Как и я, Пол был убежден, что членам семей, партнерам и друзьям людей с ПРЛ крайне важно знать, что они не одиноки. «Родственники “пограничников” говорят, что постоянно находятся на эмоциональном поле боя и не знают, как реагировать», — заметил он.

Пол начал собирать информацию для книги, искал профессиональную литературу и актуальные исследования. Во многих публикациях обсуждались сложности работы с пограничными клиентами; некоторые специалисты описывали их как людей, требующих повышенного внимания, сложных и медленно добивающихся улучшений (если вообще чего-то удавалось добиться). И хотя в этих статьях описывались копинг-стратегии для опытных профессионалов, проводивших с пограничными пациентами всего час в неделю, потребности членов семей, не имевших никакой подготовки и взаимодействовавших с этими пациентами 24/7, упускались из виду.

Хотя семья в исследованиях упоминалась — в контексте происхождения пациента с ПРЛ. Внимание при этом было направлено прежде всего на то, как полученный в раннем детстве опыт влияет на развитие расстройства. Иными словами, исследования рассматривали влияние других людей на пациентов с ПРЛ, а не влияние пациентов с ПРЛ на других людей.

Пока Пол изучал профессиональные журналы, я провела десятки интервью со специалистами, собирая информацию о том, что не-пограничный человек (партнер, друг, член семьи) может сделать, чтобы обрести контроль над собственной жизнью и перестать подстраиваться и отказываться от себя, поддерживая небезразличных ему близких с таким диагнозом. Некоторые специалисты были известными исследователями в области ПРЛ, другие просто вели местную практику — их я находила по рекомендации друзей.

Результаты интервью сильно меня удивили. Хотя расстройство по определению негативно влияет на людей, строящих отношения с «пограничниками», большинство консультирующих специалистов (за редкими исключениями) были настолько сосредоточены на потребностях пациентов, что практически ничего не предлагали их близким. Я продолжала искать новые данные, база знаний постепенно росла.

Мы с Полом собрали основную информацию для людей, состоящих в отношениях с «пограничниками». Но этого было мало для создания подробного и поддерживающего практического руководства, которое мы хотели написать. И тут в игру вступил интернет.

К компьютеру, купленному мной для коммуникаций с общественностью, решения маркетинговых задач и писательских дел, прилагался диск America Online (AOL). Мне представлялось интересным лично познакомиться с интернетом, и я установила программу.

Так мне открылся мир, о существовании которого я не подозревала. Интернет-группы и электронные доски

объявлений на АОЛ походили на колоссальную группу поддержки. Обитатели Сети, с которыми я там познакомилась (с ПРЛ и без диагноза), не ждали профессионалов с ответами на все вопросы, а делились своими находками — способами совладания, технической информацией — и дарили эмоциональную поддержку близким незнакомцам, проходившим через до боли знакомые ситуации.

Я начала с изучения собранных за годы существования сервиса постов, опубликованных сотнями людей с ПРЛ и без. Авторам недавних публикаций я отправляла электронные письма с просьбой принять участие в нашем исследовании. И многие соглашались, радуясь, что кто-то наконец взялся за ПРЛ.

На письма с вопросами приходили письма с ответами — так я начала выделять главные жалобы членов семей, партнеров и друзей. Затем попросила высказаться самих людей с ПРЛ. Например, когда человек без расстройства говорил об ощущении безнадежности перед лицом пограничной ярости, я просила обладателей диагноза описать, что они чувствуют и думают во время таких срывов и как, на их взгляд, близкие могли бы реагировать на это наилучшим образом.

Поначалу люди с ПРЛ мне не особенно доверяли, но со временем их вера в меня крепла и они открывали свои глубинные переживания, описывая невероятное опустошение, вызванное расстройством. Многие делились ужасными историями сексуального насилия, самоповреждения, депрессии и попыток самоубийства. Одна женщина написала: «Быть “пограничником” — значит жить в аду, не меньше. Боль, злость,

замешательство, страдание. Никогда не знаешь, какие чувства принесет следующая минута. Грустно оттого, что вредишь тем, кого любишь. Очень-очень редко я вдруг испытываю невероятное счастье, и это тревожит. Тогда я себя режу. А потом мне стыдно за это. Моя жизнь похожа на бесконечный “Отель Калифорния”, и единственный способ выйти из замкнутого круга — уйти навсегда».

Даже терапевты не выражают больших надежд на то, что от ПРЛ в принципе можно оправиться. Но в интернете и АОЛ я нашла много людей, которым удалось существенно улучшить свое состояние благодаря психотерапии, медикаментам и эмоциональной поддержке. Иногда я плакала, видя, какую радость они испытывали, впервые в жизни получив возможность чувствовать себя нормально. Именно тогда я впервые поняла, как, должно быть, страдал мой пограничный партнер. Поведение, которое я раньше ничем не могла объяснить, обрело смысл. Впервые я всем сердцем почувствовала, что длившееся годами эмоциональное насилие с его стороны на самом деле не связано со мной. Скорее всего, его поведение провоцировали чувство стыда и острый страх быть покинутым. Когда я поняла, что он являлся жертвой своего состояния, часть моей злости превратилась в сострадание.

Истории людей, в чьих семьях есть обладатели диагноза ПРЛ, можно найти в интернете, и они ужасны. Пользователи признавались: супруги с ПРЛ распространяли о них дискредитирующую и постыдную ложную информацию. Любящие родители, поставленные в тупик поведением ребенка с чертами пограничного

расстройств, тратили все деньги на помощь отпрыску, а в итоге получали открытые или подразумеваемые обвинения в насилии.

Люди, выросшие с пограничными родителями, делились историями своего ужасного детства. Один мужчина рассказал: «Критике подвергались даже функции моего тела. Мать говорила, что я ел, ходил, говорил, думал, сидел, бегал, писал, плакал, чихал, кашлял, смеялся и слышал неправильно». Братья и сестры людей с ПРЛ рассказывали о баталиях за внимание родителей и переживаниях, что аналогичное расстройство может развиваться у их собственных детей.

При содействии волонтеров, с которыми мы познакомились в интернете, я открыла сайт, посвященный ПРЛ (www.BPDCentral.com) и организовала онлайн-сообщество «Добро пожаловать в страну Оз» для людей без ПРЛ. Участники были поражены тем, как много других людей разделяли их опыт, казавшийся уникальным. Например, три участника сообщества рассказали, что им довелось пережить скандалы в аэропорту. Еще четверо заявили, что их пограничные близкие нескольких дней яростно злились на них за то, что произошло во сне.

Мы с Полом начали постепенно структурировать собранный массив данных. Работали так: я формулировала идеи и предложения, которые рождались после обсуждений в интернете, и передавала их Полу, а он все оценивал, развивал и сопоставлял с теоретической базой. Или сам Пол формулировал рекомендации, основанные на его исследованиях, а я их дорабатывала, доносила до членов сообщества «Добро пожаловать

в страну Оз» и просила поделиться наблюдениями из реальной жизни. Современные технологии не переставали удивлять нас с Полом: интернет позволял нажатием пары клавиш получить обратную связь от сотен людей со всего мира.

Когда часть проделанной работы казалась нам обоим достаточно качественной, мы делились ею с коллегами Пола — специалистами в области ментального здоровья и исследователями ПРЛ, посвятившими годы работе с пограничными пациентами и их семьями. Они подтверждали: переживания пациентов и родственников совпадали с тем, о чем свидетельствовали наши интернет-источники. Чтобы окончательно подтвердить точность наших данных, мы попросили Идит Краччиоло, профессора психологии колледжа Керритос в Норуолке, штат Калифорния, опросить людей без ПРЛ, состоявших в нашей виртуальной группе поддержки.

Конечно, угодить всем невозможно. Когда я впервые задумалась о том, чтобы написать книгу, не могла взять в толк, почему никто не сделал этого раньше. Но после нескольких месяцев работы над проектом я поняла, в чем дело. Пограничное расстройство личности — тема очень сложная и противоречивая. Даже попытки дать этому состоянию определение напоминают ловлю рыбы голыми руками, с завязанными глазами и под дождем. Существует множество неубедительных теорий о причинах возникновения ПРЛ, и опытные исследователи ведут жаркие споры о том, как его лечить.

Самые странные ощущения вызывает недостаточное признание ПРЛ специалистами в сфере психического

здоровья и, как следствие, широкой публикой. По данным Американской психиатрической ассоциации (American Psychiatric Association; АРА), людей, имеющих ПРЛ, примерно столько же, сколько людей с шизофренией и биполярным расстройством вместе взятых. И несмотря на это, большинство специалистов, у которых мы брали интервью, признавали, что пройденное обучение слабо подготовило их к диагностированию и лечению этого непростого состояния.

Работа над книгой оказалась сложной и в эмоциональном и интеллектуальном плане. В ответах людей с ПРЛ на мои вопросы часто встречались явные или скрытые угрозы самоубийства. Каждый день я получала по крайней мере одно полное отчаяния письмо, написанное человеком, который наткнулся на www.BPDCentral.com, открыл для себя существование пограничного расстройства личности и просил помочь ему понять, что делать.

В результате трех лет работы на свет появилась книга, которую вы держите в руках. И это не конец изучения темы пограничного расстройства личности — наоборот, лишь начало. Мы надеемся, что это издание будет способствовать проведению новых исследований, поможет клиническим специалистам в деле просвещения клиентов, поддержит и успокоит членов семей и друзей «пограничников», даст надежду на улучшения пациентам, которым диагностировали ПРЛ. И что еще важнее, мы надеемся, она поможет вам и похожим на вас людям устранить эмоциональные качели, которые запускает появление в вашей жизни человека с ПРЛ.

Рэнди Крегер

Часть 1

**ПОНЯТЬ
ПОГРАНИЧНОЕ
ПОВЕДЕНИЕ**

Глава 1

ТОНКИЙ ЛЕД: ЕСТЬ ЛИ У ВАШЕГО БЛИЗКОГО ПРЛ?

После пятнадцати лет брака я так и не смог понять, что делал неправильно. Я штудировал книги, общался с докторами и психологами, читал статьи и обсуждал происходящее с друзьями. Провел пятнадцать лет в недоумении, беспокойстве и будучи уверенным в том, что ее слова обо мне верны. Я сомневался в себе, мне было так больно, но я не осознавал почему.

Но однажды я нашел ответы, которые долго искал, в интернете и заплакал от облегчения. Не имея шанса уговорить мою любимую обратиться за помощью, отныне я по крайней мере знаю, что происходит и почему. Я не виноват в этом. Теперь я знаю правду.

Из сообщества «Добро пожаловать в страну Оз»
www.BPDCentral.com

ПОДОЙДЕТ ЛИ ВАМ ЭТА КНИГА?

- ◆ Человек, который вам небезразличен, причиняет вам боль?
- ◆ Вы скрываете ваши мысли и чувства из-за страха получить острую реакцию со стороны близкого или потому, что игра не стоит свеч, нет желания затевать ссору и провоцировать дополнительную боль?

- ◆ Есть ли у вас ощущение, что все сказанное вами будет перевернуто с ног на голову и использовано против вас? Винят ли вас, критикуют ли за все, что идет не так в отношениях, даже когда в подобных обвинениях отсутствует логика?
- ◆ Становитесь ли вы объектом неистовой или иррациональной ярости, сменяющейся нормальным, любящим отношением? И никто не верит, когда вы рассказываете о том, что происходит?
- ◆ Кажется ли вам, что близкий человек либо возносит вас на пьедестал, либо считает плохим во всем — без промежуточных вариантов? Случается ли, что переключению с одного отношения на другое нет рационального объяснения?
- ◆ Боятесь ли вы заводить разговор о ваших отношениях, потому что вас обвинят в излишней требовательности или будут убеждать, что с вами что-то не так? Возникает ли у вас ощущение, что ваши потребности не имеют значения?
- ◆ Ваши взгляды недооцениваются или отрицаются? Кажется ли вам, что ожидания близкого человека постоянно меняются таким образом, что вы никогда не можете ничего сделать «правильно»?
- ◆ Обвиняют ли вас в том, чего вы не делали; утверждают ли, что вы говорили то, чего на самом деле не говорили? Чувствуете ли вы себя неправильно понятыми, а когда пытаетесь объясниться, обнаруживаете, что вам не верят?
- ◆ Часто ли вас унижают? Если вы пытаетесь уйти из отношений, мешают ли вам: говорят ли о том, что вас любят; обещают ли измениться; угрожают открыто

или неявно? Ищете ли вы оправдания поведению близкого, чтобы убедить себя, что все в порядке?

Чувствуете ли вы, что вами манипулируют, вас контролируют, вам лгут? Возникает ли у вас ощущение, что вы стали жертвой эмоционального шантажа?

Если на многие из этих вопросов вы отвечаете положительно, у нас есть хорошая новость — нет, вы не сходите с ума; вы не виноваты и не одиноки. Возможно, ваши переживания обусловлены наличием у близкого человека черт, связанных с пограничным расстройством личности (ПРЛ).

Ниже собраны истории трех человек, которые обнаружили, что у их близких есть это расстройство. Как и во всех других примерах этой книги, истории основаны на информации, которой делились члены виртуальной группы поддержки; однако многие детали мы изменили, чтобы сохранить личности авторов в тайне.

Думаете ли вы прямо сейчас: «А я и представить не мог(ла), что кто-то еще переживает то же самое»?

История Джона: женат на женщине с ПРЛ

Брак с человеком, у которого ПРЛ, — это рай, сменяющийся адом. Настроение моей жены может измениться за секунду. Пытаясь угодить ей и избежать ссоры из-за того, что я слишком рано, быстро, не тем тоном или не с тем выражением что-то сказал, мне приходится словно ходить вокруг нее по яичным скорлупкам.

И даже если я делаю все так, как она хочет, все равно она злится. Однажды она сказала мне куда-нибудь увезти детей, так как решила побыть в одиночестве. Но когда мы собрались и уже выходили из дома, она бросила мне в голову ключи и обвинила в ненависти к ней: настолько сильной, что якобы я не мог оставаться с ней в одном доме. Когда мы с детьми вернулись из кинотеатра, она вела себя так, будто ничего не произошло, и недоумевала, чего я такой расстроенный; наверное, у меня проблемы с управлением гневом.

Но так было не всегда. До того как мы поженились, между нами был водоворот страстей, идеальные романтические отношения. Она превозносила меня и говорила, что я идеально ей подхожу во всем. Секс был просто фантастический. Я писал ей любовные стихи и покупал дорогие подарки. После нескольких месяцев ухаживаний мы обручились, а через год поженились, потратив на волшебный медовый месяц десять тысяч долларов. Но сразу после свадьбы она начала практически без повода вываливать на меня горы критики, устраивала допросы и делала мне больно. Обвиняла меня в том, что я смотрю на других женщин, и в качестве доказательств выдумывала «примеры». Она стала угрожать моим друзьям и постепенно их отталкивать. Говорила плохие вещи о моем бизнесе, прошлом, ценностях, гордости — обо всем, что связано со мной.

И все равно время от времени прежняя она возвращалась, и я снова был любимым, лучшим парнем на планете. Я по-прежнему считаю ее самой умной, веселой и сексуальной женщиной из всех, кого знал; я очень сильно ее люблю. Наш семейный психолог полагает, что у нее может быть ПРЛ, но жена настаивает, что во всех проблемах наших отношений виноват я один. А психолога считает

шарлатаном и не хочет больше ходить на консультации. Как мне уговорить ее обратиться за помощью, которая, очевидно, очень ей нужна?

Вы не сходите с ума. Вы не виноваты. Вы не одиноки.

История Ларри: как быть родителем ребенка с ПРЛ

Мы поняли, что с нашим усыновленным сыном Ричардом что-то не так, когда ему исполнилось полтора года. С ним было сложно, он часто плакал, мог кричать три часа подряд. В два года у него начались истерики, которые случались по несколько раз на дню и порой длились часами. Педиатр просто сказал: «Мальчишки, что с них возьмешь».

Когда Ричу исполнилось семь, мы нашли в его комнате записку, в которой он обещал себя убить, едва ему исполнится восемь. Учитель начальной школы направил нас к местному психиатру, и тот посоветовал сделать жизнь сына более структурированной и последовательной. Мы пробовали применять положительное подкрепление, строгую любовь и даже меняли его рацион. Ничего не помогло.

В старшей школе Рич постоянно врал, попадался на кражах, прогуливал занятия, испытывал бесконтрольные приступы ярости. Когда он попытался покончить жизнь самоубийством, начал себя резать и угрожал убить нас, пришлось привлечь полицию. Каждый раз, когда мы за что-то его отчитывали или отправляли в комнату, он звонил на «горячую линию» для детей, подвергшихся насилию. Сын манипулировал учителями, членами семьи и даже полицейскими. Он мог быть очень сообразительным и харизматичным, очаровывать окружающих остроумием, улыбкой и чувством юмора. Все психологи были поначалу уверены, что в его

поведении виноваты мы. А когда очередной специалист раскрывал обман, Рич отказывался с ним общаться. Новые же психологи не удосуживались изучить записи в его личном деле, которое постепенно превратилось в толстую книгу.

Наконец, после того как Рич начал угрожать учителю в школе, его на короткое время направили в психотерапевтический центр. Несколько раз нам говорили, что у него диагностирован дефицит внимания и посттравматическое стрессовое расстройство, возникшее из-за какого-то неизвестного травматического опыта. Один психиатр сказал, что у Рича «депрессия и психотическое расстройство». Многие говорили, что он просто плохой человек. После четырех госпитализаций страховая компания отказала нам в обслуживании. А в больнице заявили, что он слишком болен, чтобы вернуться домой. Местный психиатр посоветовал обратиться в суд, чтобы нас признали не способными справиться с родительскими обязанностями. Каким-то образом нам удалось найти спонсируемую государством больницу, где Ричу впервые поставили диагноз «пограничное расстройство личности». Ему выписывали разные лекарства, хотя особых надежд на исцеление врачи не питали.

Ричу удалось окончить школу и поступить в колледж, но это не принесло облегчения. Ему уже 23 года, но по уровню зрелости он напоминает 18-летнего. С возрастом стало полегче, однако он все равно ужасно боится быть покинутым, не может поддерживать долгосрочные отношения и за два года сменил четыре работы. Он заводит друзей и быстро их теряет, потому что ведет себя заносчиво, оскорбительно, самоуверенно, постоянно манипулирует другими. Из-за этого он зависим от нас — финансово и эмоционально. Больше у него никого нет.